

Дэвид Миллер

ИММИГРАНТЫ, НАЦИИ И ГРАЖДАНСТВО¹

В этой статье я попытаюсь прояснить природу проблемы, которую ставит перед современными национальными государствами иммиграция, и какой в свете этого может быть приемлемая иммиграционная политика в широком смысле слова, включая вопрос о том, кому следует разрешить иммигрировать, и вопрос об условиях принятия: что иммигранты могут обоснованно требовать от государства, принимающего их, и что, в свою очередь, может требовать от них государство. Могут сказать, что никакой проблемы иммиграции не существует — проблема в фанатизме людей, которых призывают принять иностранцев. В этом ключе замечают, что объединения, которые теперь называются национальными государствами, сами по себе являются продуктом иммиграции на протяжении более или менее продолжительных периодов исторического времени — переселение людей происходит постоянно, и иногда оно может вызывать краткосрочные трения, но не более. Люди всегда будут хотеть переселиться — чтобы выжить или по экономическим причинам, и проблема состоит в том, чтобы убедить людей преодолеть свои расовые или религиозные предрассудки и научиться терпимо относиться к тем, кто не похож на них в том или ином отношении.

Хотя я считаю этот ответ ошибочным, он полезен для нас, потому что он позволяет увидеть, насколько локализована в пространстве и времени проблема иммиграции. Исторически государства действительно всегда имели дело с притоком населения, и это не считалось проблемой — государства не стремились контролировать доступ, если речь не шла об известных преступниках или политических агитаторах, а оказывавшимся на их территории иммигрантским сообществам позволялось жить своей жизнью без какой-либо поддержки или препятствий со стороны государства. Иными словами, отношение государства к иммиграции было в целом безразличным; его прекрасно описал чартистский комментатор в 1848 году: «Изгнанник сво-

1. David Miller, 'Immigrants, Nations and Citizenship,' *Journal of Political Philosophy*, 2007, vol. 15, no. 2.

бодно может поселиться на наших берегах и свободно загнуться от голода под нашим серым небом».² Поэтому традиционно никакой политической теории иммиграции не существовало: иммиграция—это не та тема, которая обсуждалась в классических текстах в этой области (в то же время несложно найти обсуждение эмиграции и особенно колонизации, но не иммиграции в смысле переселения людей в сложившиеся европейские государства).

Когда иммиграция впервые превратилась в политическую проблему, вставшую перед Британией в конце XIX столетия, доводы «за» и «против» казались сравнительно простыми: с одной стороны, общая ценность свободы сочеталась с экономической пользой, приносимой вновь прибывшими, а с другой—представление о государственном суверенитете сочеталось с обеспокоенностью насчет морального облика потенциальных мигрантов. Чтобы понять степень радикальности изменений в дебатах об иммиграции в течение последнего столетия, имеет смысл рассмотреть «Элементы политики» Сиджвика, в которых приведен прекрасный обзор состояния либеральной политической теории конца XIX века. В отличие от более ранних либеральных авторов, в тексте Сиджвика действительно содержится краткое обсуждение вопроса иммиграции, принимающее следующую форму: во-первых, аксиомой признается право государства решать, принимать ему иммигрантов вообще или нет, с уточнением, что это касается государств, которым довелось иметь большие пространства незанятой земли; во-вторых, государство также имеет право ставить потенциальным иммигрантам любые условия. Как пишет Сиджвик:

Очевидно, что государство должно иметь право принимать иностранцев на своих собственных условиях, вводя любые ограничения на въезд или проезд и устанавливая для них любые правовые ограничения или правопоражения, которые оно сочтет целесообразным. И оно не должно, однажды приняв их, вдруг без всякого предупреждения начинать относиться к ним по-разному; но, поскольку оно вправе исключать их всех, оно должно быть вправе обращаться с ними так, как сочтет нужным, после того, как сделано соответствующее предупреждение и предоставлено достаточно времени для того, чтобы покинуть страну.³

Сиджвик возвращается к этой проблеме в последней главе «Элементов», где он приводит ее в качестве показательного примера конфликта между тем, что он называет «космополитическим и национальным идеалами политической организации». С космополитической точки зрения, государство должно одинаково относиться к интересам всех людей при выборе своей иммиграционной политики. Но, хотя это может служить «идеалом для будущего»,

2. Цит. по: R. Winder, *Bloody Foreigners: the Story of Immigration to Britain* (London: Little Brown, 2004), p. 118.

3. H. Sidgwick, *The Elements of Politics*, 2nd edn. (London: Macmillan, 1897), p. 248. Но далее Сиджвик указывает, что государство должно воздерживаться от *причинения вреда* иностранцам, когда они впущены в страну, и не позволять, чтобы им причиняли вред частные лица, иными словами, оно должно заботиться о них.

в нынешних обстоятельствах государства должны уделять особое внимание интересам своих собственных членов, дабы сбалансировать потенциальные экономические выгоды от принятия иммигрантов с потенциальными социальными издержками; так, очевидно, что «выполнение задачи правительства по повышению моральной и интеллектуальной культуры может быть безнадежно осложнено постоянным притоком иностранных иммигрантов с различными моральными обычаями и религиозными традициями». ⁴ Коротко говоря, в этом случае государство имеет недвусмысленное право решать, кого ему впускать — и впускать ли вообще — на свою территорию, и оно должно строить свою политику с учетом интересов его нынешних членов.

Итак, что изменилось за прошедшие сто лет, в результате чего иммиграция превратилась из сравнительно простой проблемы, которой она была для Сиджвика, в куда более спорную проблему, какой она является для нас сегодня? Изменилось не просто количество людей, которые желают переселиться, или тип этих людей, хотя, несомненно, по-своему сказывается на проблеме, но главное значение имеет само устройство современного национального государства. Я полагаю, что двумя основными условиями, которые повлияли на изменение языка дебатов об иммиграции, стали наша приверженность идее равного гражданства и наше представление о национальном государстве как о культурно особом политическом сообществе. Рассмотрим каждую из этих идей в отдельности.

Равное гражданство означает, что каждый взрослый член политического сообщества должен обладать равными правами и обязанностями, которые вместе и образуют статус гражданина. Это статус «первого сорта» — и когда мы называем людей гражданами «второго сорта», мы делаем это для того, чтобы привлечь внимание к тому факту, что что-то пошло не так, что наши институты работают не так, как должны: никто не может быть по закону гражданином «второго сорта». Обеспечение равного гражданства — это непростая задача, так как, например, она требует от нас введения равенства возможностей в различных сферах для людей с различными качествами, убеждениями и т. д.; она требует постоянного слежения за государственными расходами со стороны социальных классов, географических областей и т. д.; и она требует усилий, чтобы убедить людей относиться к своим обязанностям всерьез — нужно, чтобы выборы были представительными, должности — занятыми и т. д. Когда иммигрантов принимают в политическое сообщество, которое имеет такие обязательства, их принимают с учетом того, что, за некоторым исключением, они вскоре получают полное гражданство — они получают широкий спектр прав сразу, а остальные после того, как они выполняют требования относительно сроков проживания и пройдут тесты на гражданство, введенные государством. Иными словами, они не остаются предоставленными сами себе, как это имело место в случае с первыми поколениями иммигрантов, а получают широкие права; и от них ждут, что они примут соответствующие обязанности гражданства,

4. Sidgwick, *Elements*, p. 308.

причем неравенство — возможностей или участия — считается проблемой, которая должна волновать государство.

Могут спросить, должно ли такое равное отношение действительно проявляться к иммигрантам: этот вопрос будет вкратце рассмотрен мною, но сначала выскажу свое мнение относительно второй черты современного национального государства — его притязаний на культурно особое сообщество. Легитимность современного государства отчасти определяется его ролью защитника и покровителя национальной культуры своего народа — если бы никакой особой культуры, которую необходимо защищать, не существовало, не было бы и никаких оснований для существования государства как независимого объединения. Так было и во времена Сиджвика, это остается и сегодня. Но за прошедшее столетие появилась глобальная культура, которая делает отдельные национальные культуры все более шаткими и возлагает на государство большую ответственность за сознательное обеспечение защиты и воспроизводства национальной культуры. Более того, это становится необходимым делать тогда, когда практики нациестроительства, успешно применявшиеся в более ранние периоды (например, насильственное насаждение языковой или религиозной гомогенности), оказываются неправомерными с точки зрения либеральных принципов. Признают они это официально или нет, современные демократические государства мультикультурны: они терпимо относятся или даже поддерживают сосуществование различных культурных групп в своих границах, и это связывает им руки, когда они пытаются заняться распространением общей национальной идентичности среди различных групп. Поскольку новые иммигранты, скорее всего, будут носителями культурных ценностей, отличающихся от ценностей принимающего сообщества, интеграция их в национальную культуру неизбежно будет сопряжена с определенными трудностями: она должна проводиться такими способами, которые совместимы с либеральными принципами — поддержкой, а не принуждением — и, кроме того, она должна производиться демократически, путем взаимных уступок между существующими концепциями национальной идентичности и новыми культурными ценностями иммигрантов.

Именно поэтому, как мне кажется, принятие иммигрантов создает для современных государств больше проблем, чем сто лет тому назад: они должны приниматься как равные граждане, и они должны приниматься с учетом того, что они будут интегрированы в культурную нацию. Это также потенциальные препятствия для принятия, поскольку они требуют определенных издержек со стороны принимающего государства и накладывают на него определенные ограничения. С другой стороны, поддержка иммигрантов обусловлена некоторым отходом нашей политической морали от националистического идеала и смещением в сторону космополитического идеала политической организации, пользуясь терминологией Сиджвика. В частности, центральную роль начала играть идея прав человека, а уже в них — право на свободу передвижения, которое, при его жесткой интерпретации, предполагает, что потенциальные иммигранты имеют право быть принятыми любым государством по своему выбору. Очевидно, что такая жесткая

интерпретация не получила поддержки среди либеральных государств и их членов и, по всей вероятности, не получит ее.⁵ Тем не менее наша политическая мораль не считает государственный суверенитет своеобразным «козырем», каким он был для Сиджвика, — у государств нет неограниченного права решать, кого принимать, а кого исключать. Нам приходится *оправдывать* свое решение не принимать тех, кто хочет быть принятым, когда они остро нуждаются в том, чтобы их приняли. Таким образом, имеют место два требования — требование принятия и требование исключения, и у нас нет проработанной моральной теории иммиграции, способной определять нашу политику.

Можно ли ослабить требования, чтобы сделать иммиграцию менее дорогостоящей для принимающих государств? Одной из возможностей является отказ от ожиданий, что иммигрантам будет предоставлено равное гражданство — они могут приниматься как жители страны, но не как потенциальные граждане. Иными словами, им могут разрешить работать, предоставить общую правовую защиту и некоторые социальные права, но не полные права, которыми обладают граждане, наподобие права голоса, прав, гарантирующих равные возможности при приеме на работу и т. д. Эта возможность осуществлялась в случае со схемами принятия иммигрантов как номинально временных жителей, например, в немецкой гастарбайтерской схеме с момента ее введения в 1950-х годах и до начала 1990-х. Но недостатки таких схем, за исключением тех случаев, когда кто-то действительно собирается приехать на небольшой промежуток времени, вроде студентов, сезонных рабочих, и «работающими отпускниками» в случае с Британией, можно заметить без большого труда. Кажется социально несправедливым иметь, к примеру, сильное государство всеобщего благосостояния, основанное на том, что все в нем имеют равный доступ к его службам, а затем исключить одну категорию людей только на том основании, что они имеют иной правовой статус. Кажется ненормальным иметь программы равных возможностей при приеме на работу, призванные положить конец открытой или скрытой дискриминации на основании гендера, расы, этнической принадлежности и т. д., но отказываться распространять их на случаи дискриминации на основании национальности. При демократии кажется ненормальным, когда люди, интересы которых оказываются затронутыми политикой конкретного государства, не имеют права голоса при определении этой политики. Иными словами, вся логика современного демократического государства всеобщего благосостояния нацелена на включение; и в результате гастарбайтерские схемы, наподобие немецкой, развились в схемы гражданства со значительным количеством прав, предоставляемых постоянным жителям, хотя и не позволяющих им натурализоваться, став полноценными гражданами.⁶

5. Я рассмотрел право на свободу передвижения и объяснил, почему оно не может служить основой для неограниченного права на миграцию, в своей статье: D. Miller, 'Immigration: the Case for Limits' in A. Cohen and C. Wellman (eds.), *Contemporary Debates in Applied Ethics* (Oxford: Blackwell, 2005).

6. О Германии см.: C. Joppke, *Immigration and the Nation-State* (Oxford: Oxford University Press, 1999), ch. 6.

Эта логика оказывается особенно убедительной в случае со вторым и третьим поколением гастарбайтеров, которые явно не принимали никакого решения об иммиграции и неравное отношение к которым по сравнению с коренными жителями кажется очевидной несправедливостью.

Итак, с позволения Сиджвика, современное государство не вправе «обращаться с ними [иммигрантами] так, как считает нужным» и вводить «правовые ограничения или правопоражения, которые оно сочтет целесообразным»; даже в случае с «перекати-поле» его действия будут ограничиваться нормами прав человека, обеспечивающими определенные формы равного отношения, а в случае с теми, кто остается и начинает строить свою жизнь в новой стране, равное гражданство оказывается неизбежным итогом, какими бы ни были формальные условия принятия. А как насчет второй черты современного государства — его национальной основы и проблем, которые создает принятие иммигрантов, принадлежащих к иной культуре? Можно ли разрешить эту трудность, отойдя от национальности и перейдя к идее мультикультурного гражданства, где источником единства служит простая принадлежность к конкретному государству без попыток культурной интеграции?

Важный вопрос, горячо обсуждаемый политическими теоретиками, заключается в том, достаточно или нет одного только гражданства для обеспечения сплоченности демократического государства всеобщего благосостояния, успешная работа которого зависит от сравнительно высокой степени межличностного доверия и сотрудничества, и нужно ли гражданам иметь общую культурную идентичность, обеспечиваемую национальностью.⁷ В конечном итоге, это вопрос эмпирический, и нам трудно ответить на него из-за того, что все реальные демократии имеют такую национальную основу, будучи при этом в различной степени мультикультурными. Иными словами, у нас нет примеров успешных демократий с развитыми государствами всеобщего благосостояния, в которых граждан не объединяло бы ничего, кроме верности государству, или того, что часто называют «конституционным патриотизмом». В отсутствие серьезных свидетельств, которые могли бы подтвердить или опровергнуть этот националистический тезис, нам приходится иметь дело с менее прямыми, но все же наводящими на определенные размышления показателями. Прежде всего, имеются свидетельства того, что культурная гетерогенность действительно ведет к снижению доверия между культурно различными группами,⁸ а также что такая нехватка доверия может принимать форму нежелания поддерживать политику, которая считается выгодной другим группам. Исследования государственной политики обнаруживают отрицательную корреляцию между этническим многообразием и уровнем расходов на государственные проекты, которые позволяют проводить перераспределение, несмотря на этнические различия,

7. Об этом, включая критику моих собственных взглядов, см.: A. Abizadeh, 'Does Liberal Democracy Presuppose a Cultural Nation? Four Arguments', *American Political Science Review*, 96 (2002), 495–509.

8. См.: A. Alesina and E. La Ferrara, 'Who Trusts Others?', *Journal of Public Economics*, 85 (2002), 207–234.

наподобие выделения средств на образование и социальное обеспечение, между американскими городами и штатами.⁹ Подобные свидетельства имеются и в случае с иммиграцией. В недавнем исследовании социальных расходов по группам за определенный период времени делается вывод:

Международная миграция, судя по всему, действительно оказывает большое влияние на государства всеобщего благосостояния. Хотя ни одно такое государство не пало перед лицом ускоряющегося международного движения людей, темпы роста в нем оказываются тем ниже, чем больше общество является открытым для иммиграции. Типичное индустриальное общество могло бы тратить на социальные нужды на 16–17 % больше, чем оно тратит сейчас, если бы доля иностранцев в нем оставалась такой же, как и в 1970 году.¹⁰

Необходимо подчеркнуть, что это свидетельство показывает, что культурное многообразие действительно представляет проблему для демократического государства всеобщего благосостояния, а не то, что эта проблема неразрешима. Второе свидетельство, которое мне бы хотелось привести, связано с тем, что мультикультурные государства всегда проводили политику национальной интеграции наряду с другой политикой, призванной создавать равные возможности при приеме на работу для культурных меньшинств, — иными словами, мультикультурная политика всегда шла рука об руку с политикой, целью которой было включение иммигрантов и других в национальную культуру. Бантинг и Кимлика показали, что мультикультурная политика, в отличие от культурного многообразия, не оказала существенного влияния на расходы государства всеобщего благосостояния, но в то же время они отмечают, что:

Нельзя рассматривать мультикультурную политику вне более широкого контекста государственной политики, формирующей идентичности, убеждения и устремления людей. Способствует или нет мультикультурная политика доверию или солидарности, во многом зависит от того, входит ли эта мультикультурная политика в более широкий пакет политики, который одновременно воспитывает идентификацию с более крупным политическим сообществом. В отсутствие соответствующей политики нациестроительства, конкретная мультикультурная политика может ослабить солидарность и доверие, сосредоточившись исключительно на различиях меньшинств. Но при наличии такой политики нациестроительства та же мультикультурная политика способна усилить солидарность и доверие, убеждая представителей меньшинств, что более широ-

9. См.: A. Alesina, R. Baquir and W. Easterly, 'Public Goods and Ethnic Divisions', *Quarterly Journal of Economics*, 114 (1999), 1243–1284; R. Hero and C. Tolbert, 'A Racial/Ethnic Diversity Interpretation of Politics and Policy in the States of the US', *American Journal of Political Science*, 40 (1996), 851–871.

10. S. Soroka, K. Banting and R. Johnston, 'Immigration and Redistribution in a Global Era' (mimeo), p. 18.

кая идентичность, создаваемая политикой нациестроительства, является открытой идентичностью, в которой есть место и для них.¹¹

В подтверждение этого они ссылаются на нациестроительные аспекты политики гражданства, принятой в последние годы странами, вроде Канады, Нидерландов и Великобритании, — странами, которые также отличаются сравнительно высокой степенью мультикультурализма. Если бы культурное многообразие не представляло никаких проблем для социальной интеграции, то эта политика была бы ненужной и ошибочной, и нам следовало бы признать ее вызванной ложными убеждениями демократических политиков и их советников. Если бы демократические государства не требовали от своих граждан ничего, кроме принятия некой формальной совокупности конституционных принципов, то программы гражданства, включающие, к примеру, изучение национального языка и некоторые аспекты национальной истории и политической культуры, были бы ошибочной попыткой ненужной культурной интеграции.

Но одно дело сказать, что для успешной работы культурно многообразных демократий необходим определенный уровень интеграции; и другое дело выдвинуть условия, на которых должна происходить интеграция. Здесь можно предложить заключение своеобразного договора между потенциальными иммигрантами и национальным государством, к которому они желают присоединиться. Какие требования стороны могут законно предъявлять друг другу и какие обязательства стороны должны взять на себя взамен? Иными словами, какими должны быть разумные условия принятия, если исходить из того, что иммигранты будут приняты в качестве будущих граждан, а не просто временных жителей?¹²

Рассмотрим сначала равное гражданство. Государство должно предоставить и гарантировать совокупность прав, которые вместе образуют гражданство; в некоторых случаях это может означать выделение дополнительных средств на иммигрантские группы, например, для обеспечения более высокого уровня полицейской защиты, когда на иммигрантов совершаются нападения расистов или других людей, имеющих предрассудки по отноше-

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА, В ОТЛИЧИЕ ОТ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ, НЕ ОКАЗАЛА СУЩЕСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ НА РАСХОДЫ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

11. K. Banting and W. Kymlicka, 'Do Multiculturalism Policies Erode the Welfare State?', in P. Van Parijs (ed.), *Cultural Diversity versus Economic Solidarity* (Brussels: Deboeck Université, 2004).

12. Ср. рассмотрение Кимликой «мультикультурализма как справедливых условий интеграции»: W. Kymlicka, *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship* (Oxford: Oxford University Press, 2001), ch. 8.

нию к ним. Гражданство также влечет за собой равные притязания на общественные блага — там, где государство обеспечивает блага, вроде публичных пространств, инфраструктуры для отдыха, культурных событий, оно должно заниматься этим так, чтобы польза от этого была максимально равномерно распространена в сообществе. Достичь этого, конечно, совсем непросто.¹³ Но когда иммигранты выдвигают новые притязания на общественные блага, принцип равенства требует, чтобы государство отвечало на них. Если государство субсидирует, к примеру, соборы, то ему, вероятно, придется начать субсидировать также синагоги и мечети. Или, на мирском уровне, если для коренных жителей строятся спортивные сооружения, а иммигранты предпочитают заниматься другими видами спорта, то такое предпочтение должно быть удовлетворено.

С другой стороны, иммигранты должны быть готовы взять на себя выполнение гражданских обязанностей. К ним относятся прежде всего признание принципа господства права и участие в демократической политике. В нынешнем понимании гражданства к ним также относятся обязанность иметь работу и вообще обеспечивать себя самостоятельно, не предъявляя чрезмерных притязаний на ресурсы общества. Среди политических теоретиков ведутся споры о том, существуют ли такие обязанности — некоторые утверждают, что граждане имеют право на государственную поддержку на базовом уровне, независимо от того, хотят они работать или нет, или на то, что часто называют правом на безусловный базовый доход.¹⁴ Но эта идея пока не получила широкой поддержки за пределами академических кругов; в то же время убеждение — истинное или ложное, — что иммигрантские группы слишком сильно зависят от государственной помощи, ничего не давая обществу, которое оказывает им такую помощь, служит главным источником антииммигрантских настроений.¹⁵ Принимая во внимание равенство возможностей, обязанность внесения своего вклада в обмен на права и другие блага гражданства, в моем представлении, является необходимой составляющей иммиграционного договора.

13. О некоторых принципах производства и распределения общественных благ см.: D. Miller, 'Justice, Democracy and Public Goods' in K. Dowding, R. Goodin and C. Pateman (eds.), *Justice and Democracy* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).

14. См.: S. White, *The Civic Minimum: On the Rights and Obligations of Economic Citizenship* (Oxford: Oxford University Press, 2003).

15. Беженцы и недавние иммигранты — две группы, которые чаще всего назывались «необоснованно привилегированными получателями социальной помощи и государственных пособий» в недавнем опросе «Мори»; см. об этом: B. Duffy, 'Free Rider Phobia', *Prospect*, February 2004, 16–17. В более широком плане эта тема была поднята в недавнем неформальном исследовании общественного мнения, проведенном членом парламента от лейбористской партии Джоном Денхамом. Он пришел к выводу, что его избиратели строго придерживались «кодекса чести», который «касался того, какие права ты заслужил, а не просто того, что тебе сегодня нужно. Эта оценка нужд должна учитывать усилия и вклад, который внесен человеком в прошлом и будет внесен в будущем. Социальная помощь должна предоставляться людям, которые имеют право на ее получение, нуждаются в ней и пользуются ею ответственно» (J. Denham, 'The Fairness Code', *Prospect*, June 2004, p. 29).

Множество споров вызывает также вопрос об обязанности иммигранта сражаться за принявшую его страну, в худшем случае — против страны, из которой он эмигрировал. В эпоху профессиональных армий эта проблема редко возникает на практике, но она все же заслуживает рассмотрения, так как позволяет понять, принятия каких обязательств можно ожидать от нового гражданина. Предположим, что во время войны, которая не была вопиюще несправедливой (если бы она была вопиюще несправедливой, граждане должны были бы сопротивляться ей), проведен призыв. Можно предположить, что пацифистам разрешат отказаться от прохождения воинской службы по политическим убеждениям. Может ли такое разрешение быть распространено на иммигрантов на том основании, что они вправе отказаться сражаться против тех, с кем они имеют общую идентичность или религиозные убеждения? На мой взгляд, подобное избирательное освобождение от военной службы не может быть оправдано, потому что, принимая решение об иммиграции, человек также решает, кому в конечном итоге он будет лоялен. Это не отменяет других привязанностей и вполне может быть приемлемо для того, кто в таких обстоятельствах делает все возможное, чтобы избежать конфликта, и сражается с тяжелым сердцем, если эти усилия терпят провал.¹⁶ Но, в конце концов, логика современного государства заявляет о себе: если равное гражданство является основным принципом, а иммигранты требуют всех прав и возможностей, которые ему сопутствуют, то они не могут отказаться от равной ответственности, включая высшую обязанность — готовность пожертвовать собой для ее защиты.

Здесь есть и другая сторона монеты; эти рассуждения показывают, почему государственные власти действуют несправедливо, просто предполагая, что иммигранты не заслуживают доверия, как это было с немцами в Британии и японцами в США, интернированными в лагеря во время Второй мировой войны. Государство должно относиться к иммигрантам как к преданным гражданам, пока в случае с отдельными лицами не имеется свидетельств обратного.

Теперь перейдем к более определенным выводам относительно равного гражданства, равенства возможностей, которое стало одним из основных принципов современного демократического государства. Структура возможностей, которой пользуются члены такого государства, в какой-то сте-

16. В этом отношении описываемые мной условия интеграции заметно отличаются от более требовательных условий, ставившихся перед ранними поколениями иммигрантов для принятия гражданства. Так, например, Вудро Вильсон, обращаясь к новым гражданам во время Первой мировой войны, говорил: «Вы не можете полностью посвятить себя Америке, если не станете во всех отношениях и во всех своих помыслах полноценными американцами. Вы не можете стать полноценными американцами, если вы думаете о себе и своих группах. Америка не состоит из групп. Человек, который считает себя принадлежащим к отдельной национальной группе в Америке, еще не стал американцем, и человек, который обсуждает с вами вашу национальность, недостоин того, чтобы жить под звездно-полосатым флагом» (Цит. по: D. King, *Making Americans: Immigration, Race, and the Origins of the Diverse Democracy* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002), p. 124).

пени определяется представлениями, содержащимися в господствующей культуре — возьмем очевидный пример с представлениями о продолжительности рабочей недели или учебного года. Идея состоит в том, что иммигранты, принадлежащие к другой культуре, могут иметь возможности, которые номинально являются равными, но реально оказываются более ограниченными — они не могут выполнять работу, которая формально доступна для них, потому что в этом случае они нарушат религиозные предписания. Я исхожу здесь из того, что наличие возможности означает отсутствие юридических или физических препятствий для достижения определенной цели: оно означает способность достижения этой цели без непомерных затрат.¹⁷ Поэтому для достижения равенства возможностей в культурно многообразном обществе недостаточно иметь сильную антидискриминационную политику, хотя она и является важной. Также необходимо изменить структуру возможностей, чтобы она была более нейтральной для культур — например, делать так, чтобы одна и та же работа могла выполняться людьми, придерживающимися различных религиозных и культурных убеждений.

Создавая равные возможности, общество должно идти по пути взаимных уступок между культурными меньшинствами и теми, кто представляет доминирующую культуру, поскольку только так возникает понимание того, какие культурные обязательства могут подвергаться пересмотру в изменившихся обстоятельствах, а какие — нет, а также того, какие аспекты существующей структуры возможностей могут быть изменены без слишком больших затрат. Таким образом, еще одним важным аспектом гражданства в мультикультурном обществе является готовность участвовать в демократическом обсуждении решения таких проблем.

Что если иммигрантская группа желает изолировать себя в анклав для максимально возможного сохранения своей культуры, которая, как она полагает, будет неизбежно разрушена вследствие частых контактов с чужаками, как это делали первые поколения амишей и меннонитов в США? В таких обстоятельствах равенство возможностей в традиционном понимании этого слова недостижимо — дети в этих обществах не получают такого образования, которое позволит им воспользоваться множеством возможностей в более широком обществе. Должна ли либеральная демократия мириться с таким положением вещей? Мне кажется, лишь с заметным неудовольствием. Сообщества, физически живущие в границах государства, но не желающие пользоваться правами и исполнять обязанности гражданства, являются аномалией и должны приниматься только в том случае, если их члены спасаются от преследований в своих странах, а затраты на их интеграцию кажутся слишком высокими (этими факторами, по-видимому, и объясняется особое отношение к амишам и меннонитам). Вообще равенство возможностей позволяет скептически смотреть на предложения обучать детей иммигрантов в отдельных школах, особенно таких, где основным язык обу-

17. См.: D. Miller, 'Liberalism, Equal Opportunities and Cultural Commitments' in P. Kelly (ed.), *Multiculturalism Reconsidered* (Cambridge: Polity, 2002), p. 49–52.

чения не является национальным. У меня есть и другие причины для того, чтобы сомневаться в разумности сепаратизма в образовании, которые будут вкратце изложены мной; дело в том, что раздельное обучение совместимо с равенством возможностей только в том случае, если предметы, преподаваемые в школах для меньшинств, открывают такие же возможности, как и предметы, преподаваемые в других школах, а не в том, чтобы защищать раздельное обучение в первую очередь как средство включения подрастающего поколения в традиционную культуру.

Я рассмотрел, что равное гражданство может означать для условий договора между иммигрантом и национальным государством, о котором я говорю. Что означает наша озабоченность культурной идентичностью, если представление о том, что общая национальная идентичность необходима для успешного функционирования такого государства, верно? Что может требовать от иммигрантов принимающее государство в культурном отношении и что могут требовать они от него взамен?

Первое требование, которое может предъявить государство, является политическим: оно может требовать принятия иммигрантами основных принципов либеральной демократии, какими они представлены в законах и действиях данного государства (например, в конституции). Принятие означает здесь нечто меньшее, чем вера или убеждение. Либеральные государства не требуют, чтобы их граждане *верили* в либеральные принципы, так как они терпимо относятся к коммунистам, анархистам, фашистам и т.д. Они требуют, чтобы граждане подчинялись либеральным принципам на практике и признавали законной политику, проводимую от имени таких принципов, оставляя за собой свободу отстаивать альтернативные способы общественного устройства. То же относится и к иммигрантским группам, которые можно законодательно обязать отказаться от практик, осуждаемых либерализмом, практик, связанных с угнетением женщин, нетерпимостью к иноверцам и т.д. Они не обязаны отказываться от своей веры в гендерное неравенство или желательность установления одной истинной религии, если иммигранты действительно верят в это: либералы могут надеяться, что опыт проживания в либеральной демократии со временем разрушит такие верования, а пока можно требовать от иммигрантов, чтобы они не занимались насаждением таких верований, например, отказываясь давать образование своим девочкам.

Может ли государство пойти еще дальше, требуя от иммигрантов усвоения некоторых аспектов национальной культуры в качестве условия предоставления гражданства? Часто утверждают, что иммигранты неизбежно захотят выучить национальный язык, разобраться в правовой и политической системе общества, в которое они переселились, и т.д. просто из личной заинтересованности в этом; и, несомненно, для большинства иммигрантов такая культурная интеграция, скорее всего, произойдет спонтанно. С другой стороны, многие либеральные демократии теперь уделяют больше внимания воспитанию гражданства среди детей формально коренных жителей; и это вызвано обеспокоенностью тем, что люди не понимают, чего от них хотят как от граждан, если они не получают определенного руковод-

ства и поддержки — совсем немногие хотят быть активными гражданами, как свидетельствуют снижение показателей политического участия, сложности с поиском людей для работы в муниципальных советах и т. д. Ненормально делать гражданское воспитание требованием для будущих коренных граждан, но нельзя считать, что ничего подобного нельзя требовать от иммигрантов, которые в целом значительно хуже знакомы с соответствующей культурой. Более того, представление о том, что у иммигрантов будет достаточно стимулов для повышения культурного уровня без принуждения, игнорирует тот факт, что интересы мужчин и женщин, родителей и детей могут не совпадать, а доступ к национальной культуре обычно создает большую свободу выбора, которая может подорвать традиционные семейные структуры. Поэтому предложения, введенные теперь во многих странах и требующие от иммигрантов, которые желают получить гражданство, прохождения языкового теста и демонстрации базовых знаний истории и институтов данной страны, кажутся мне вполне разумными и обоснованными.

Такая политика должна сопровождаться другой, признающей и подерживающей родные культуры иммигрантов. Об этой политике уже шла речь при обсуждении вопроса о равенстве возможностей, но здесь стоит добавить еще два момента. Во-первых, поскольку государство уже оказывает поддержку определенным видам культурной деятельности — к примеру, субсидирует оперу или художественные галереи, — оно должно быть готовым оказывать подобную поддержку культурным формам, которые приносят с собой иммигранты, в соответствии с общим принципом справедливости в обеспечении общественных благ, изложенным мною ранее. Очевидно, что, поскольку количество иммигрантов из какого-то одного места, скорее всего, будет сравнительно невелико, нельзя гарантировать, что равное отношение обеспечит сохранение какой-то конкретной культурной формы. Идея не в том, что иммигрантские культуры должны быть сохранены любой ценой, а в том, что государство должно действовать справедливо в своем отношении к специфически групповым культурным требованиям. Во-вторых, так как гражданское воспитание становится частью образовательной программы, имеет смысл, чтобы и другие части программы отражали особое культурное происхождение учеников, поскольку там, где школа привлекает многих детей из одной и той же иммигрантской группы, необходимо найти место для преподавания истории, литературы и т. д. страны происхождения наряду с национальной историей и литературой.

Другое дело сепаратизм в образовании. При написании настоящей статьи эта проблема вновь вышла на повестку дня из-за доклада от группы мусульманских объединений, рекомендующего внести многочисленные изменения в обучение мусульманских детей в Британии, включая увеличение государственного финансирования мусульманских религиозных школ.¹⁸ Хотя в докладе рассматриваются недостатки существующих мультикультурных

18. *Muslims on Education: a position paper* (Richmond: The Association of Muslim Social Scientists, 2004).

государственных школ — недостаточное внимание к особым потребностям мусульманских детей в вопросах, скажем, питания и наличия молебных комнат и нехватка средств для преподавания ислама и мусульманской культуры в целом, — его основная идея состоит в том, что культурная целостность ислама требует отдельного обучения мусульманских детей. Так, в докладе выражается скептическое отношение к предложениям о поддержке культурного обмена между школами путем объединения программ или принятия в религиозные школы определенного процента учеников иной культуры. Здесь особенно интересна идея о необходимости обеспечения формы обучения, отвечающей требованиям ислама и предпочтениям мусульманских родителей¹⁹ за счет более широкого политического контекста, в котором осуществляется образование. Нет смысла говорить о важности общих школ — школ, в которых дети различного социального и культурного происхождения встречаются на повседневной основе, — для достижения взаимопонимания и взаимного доверия между этническими и религиозными группами.²⁰ Одной из главных тем доклада Кантла, подготовленного в 2001 году после ряда межэтнических столкновений в таких городах, как Олдем и Бернли, была опасная поляризация, которая происходит при отсутствии точек соприкосновения между различными сообществами. В докладе говорилось:

Существование обособленных образовательных учреждений, общественных и добровольных организаций, рабочих мест, мест для отправления культа, языков, социальных и культурных сетей ведет к тому, что множество сообществ живет параллельной жизнью. Они никак не соприкасаются, не говоря уже о пересечении и сколько-нибудь значимом взаимодействии друг с другом... Нет ничего удивительного в том, что незнание о других сообществах легко может перерасти в страх, особенно там, где его используют экстремистские группы, стремящиеся нарушить спокойствие в обществе и вызвать раскол.²¹

Поскольку с некоторыми измерениями сегрегации трудно или невозможно бороться — сегрегация в жилье, например, или религиозная сегрегация, — вдвойне важно проводить интеграцию в тех областях, которые находятся в ведении общественной политики; и образование здесь играет главную роль. Учитывая, что школы имеют дело с религиозными и культурными проблемами и в программе, и в собственной организации, в отношении к ученикам, представляющим различные культуры, они могут обеспечить общую основу для усвоения уроков религиозной терпимости и доверия между сообществами.

19. В нем содержится примечательное заявление, что «мусульмане возлагают на школы ответственность за слежение за соблюдением детьми исламских норм. Понимание этой ответственности особенно важно в школах, где открыты возможности для неисламской деятельности» (*Muslims on Education*, p. 26).

20. См.: E. Callan, *Creating Citizens: Political Education and Liberal Democracy* (Oxford: Oxford University Press, 1997), ch. 7; S. and M. Levinson, “‘Getting Religion’: Religion, Diversity, and Community in Public and Private Schools” in S. Levinson, *Wrestling with Diversity* (Durham, N. C.: Duke University Press, 2003).

21. *Community Cohesion: A Report of the Independent Review Team* (London: Home Office, 2001), p. 9.

Кроме того, он могут также способствовать постепенному изменению национальной культуры, которое одновременно является неизбежным и желательным вследствие культурного многообразия, вызванного иммиграцией. Утверждая, что от иммигрантов следует ожидать культурной интеграции и принятия элементов существующей национальной культуры, я не исключаю их вклада в изменение этой культуры, процесс, который происходит неизбежно, но в идеале должен разворачиваться путем открытых дебатов между различными частями национального общества.²² Говоря об истории, которую необходимо преподавать в школах, о том, какие должны изучаться языки, помимо английского, о форме, которую должно принимать религиозное образование, и так далее, мы также определяем свое собственное будущее. Конечно, мы никогда не начинаем с чистого листа. Национальная культура закреплена в наших институтах и в самой форме физической среды, в которой мы проживаем, и потому желательно, чтобы она была преемственной в своем содержании. Но легко не заметить, как много изменилось в течение жизни одного поколения, и иммиграция во многом способствовала этим изменениям, наряду с внешними силами, которые часто являются глобальными по своему охвату.

Если между иммигрантской группой и принимающим государством будет заключен неявный двусторонний договор в том виде, в котором он был очерчен мной, как это может повлиять на наше решение относительно того, какие иммигранты должны быть приняты в первую очередь? Оставим в стороне непростую проблему ответственности перед действительными беженцами и сосредоточим внимание на потенциальных иммигрантах, которыми движет предпочтение, а не нужда. Хотя я не считаю, что люди из этой категории имеют безусловное право быть принятыми, они все же предъявляют серьезные требования, и потому всякая избирательная политика иммиграции должна основываться на морально обоснованных критериях. Насколько культурное происхождение потенциального иммигранта является релевантным критерием, принимая во внимание ожидания обеих сторон, содержащиеся в иммиграционном договоре?

В некоторых случаях я думаю, что оно может служить таким критерием. Народ национального государства может считать частью своей исторической миссии защиту определенной культуры, и в этом случае приоритет в предоставлении убежища может отдаваться тем, кто не в состоянии поддерживать такую культуру в другом месте; он может также прямо желать оказывать поддержку новым иммигрантам, принадлежащим к этой культуре, укрепляя тем самым ее позиции в своей стране. Наиболее показательные примеры — государства, которые поддерживают иммигрантов, говорящих на национальном языке, находящемся под угрозой исчезновения и нуждающемся в укреплении. В других случаях трудность приспособления конкретной культуры — интеграции ее членов на справедливых условиях, включая соответствующую мультикультурную политику, — вполне может сыграть свою

22. См.: D. Miller, *On Nationality* (Oxford: Clarendon Press, 1995), p. 39–41, 68–70, 126–130.

роль, особенно когда другие государства способны обеспечить необходимую поддержку. Эти критерии не обязательно должны преобладать над другими, вроде экономически полезных умений и навыков, которыми должен обладать потенциальный иммигрант, но они должны приниматься в расчет.

Можно ли использовать культуру как один из факторов при отборе иммигрантов, не девальвируя при этом культуры, которые не пользуются покровительством, и не подрывая условий для равного гражданства в случае с теми, кто принадлежит к ним, но тем не менее не допускается в страну или уже живет в ней? Очевидно, что это ключевой вопрос, но он, в конце концов, сводится к вопросу о возможности нахождения в мультикультурном обществе справедливых условий сосуществования национальной культуры и различных специфических культур меньшинств, которые присутствуют в нем. Цель состоит не в проведении культурно нейтральной государственной политики, которая, как отмечает Кимлика и другие, в любом случае невозможна, а в достижении баланса между распространением национальной культуры и предоставлением адекватного признания и защиты культурам меньшинств. Так, если национальный проект включает защиту и расширение использования французского языка, то из этого естественным образом будет вытекать предоставление приоритета в иммиграционной политике франкоязычным. При этом «не-франкоязычные» не должны ощущать дискриминации как граждане, если их язык изучается в школах наряду с французским, и имеется достаточно контекстов, в которых он может использоваться.²³

Можно считать, что позиция относительно иммиграции, изложенная в этой статье, занимает промежуточное положение между двумя более крайними представлениями: во-первых, представлением, что государства обладают абсолютным правом решать, кому — если вообще кому-то — предоставлять членство, так что если они решают проводить различие по расовым линиям (как в случае с известной политикой «белой Австралии»), они обладают всеми правами для этого; во-вторых, представлением, что иммигранты обладают чем-то вроде естественного права на принятие, так что всякий избирательный подход в политике *a fortiori* несправедлив. С моей точки зрения, характер современного либерального государства — особого в культурном отношении политического сообщества, основным принципом которого является равное гражданство, — должен определять дебаты об иммиграции и определять условия неявного договора между иммигрантом и принимающим обществом, причем конкретные условия будут зависеть от конкретного национального общества. Но не следует думать, что эти дебаты будут простыми или приведут к некоему бесспорному итогу.

Перевод с английского Артема Смирнова

23. Очевидно, что это зависит от наличия достаточно большого сообщества тех, кто говорит на этом языке. Как отмечает Кимлика, если, скажем, группа американцев эмигрирует в Швецию, она не сможет обоснованно требовать, чтобы правительство говорило с ними на английском языке.